

Система Второстепенного Персонажа: Неужели он не знает, как проходить стратегию?

Система Антагониста: Вряд ли.

Система Кузины: Мой носитель — попаданка.

Система Славы: Плюс один.

Система Второстепенного Персонажа: Плюс два.

Система Наложницы: Я тоже.

Даже Система Очарования, которая редко подавала голос, с иронией отозвалась: Плюс сто тысяч восемьдесят шесть.

Ошеломленные системы на мгновение лишились дара речи.

Наконец, системы осознали одну упущенную из виду деталь: их предыдущие носители были попаданцами, которые играли в симуляторы свиданий, смотрели сериалы о дворцовых интригах и борьбе за власть, а значит, более или менее понимали, как выполнять задания.

Это был первый случай, когда им достался местный житель, и они совершенно упустили из виду этот суровый факт. Восемь систем разом обратились к единственной, у которой когда-то был местный носитель — Системе Белого Лунного Света.

Система Белого Лунного Света: Моим третьим носителем была девушка из древности, чьей задачей было стать идеалом в сердце императора. Я расписала ей несколько побочных веток, она заработала баллы, купила читы и с горем пополам стала любимой наложницей.

Система Наложницы: А дальше?

Система Белого Лунного Света помедлила и ответила: А дальше она заступилась за человека в побочном квесте, разозлила императрицу, и та её прикончила.

Система Наложницы: М-да, не за ту сторону императора она взялась.

Система Белого Лунного Света продолжила: Моим пятым носителем тоже была местная. Задача та же — стать идеалом императора. Я учла ошибки прошлого и велела ей вести себя тише. Она послушно играла роль утешительницы императора.

Система Белого Лунного Света снова замолчала.

На этот раз остальные системы почувствовали неладное, и Система Наложницы не выдержала: Ну и что потом?

Система Белого Лунного Света: Во время вечернего банкета внезапно появились убийцы. Император в суматохе прикрылся ею как живым щитом. Убийц было много, носительница принимала удары один за другим, крови было много, и она скончалась от потери крови.

Система Белого Лунного Света тихо добавила: Из-за расположения императора она находилась к нему ближе всех.

Система Наложницы не знала, что сказать.

Система Белого Лунного Света добавила: А я ведь планировала, что когда нагрянут убийцы, носительница закроет императора собой, чтобы поднять уровень симпатии.

Остальные системы: Моя внутренняя система сейчас взорвется.

Система «Каратель подонков»: И что нам делать?

Другие системы волновались ещё сильнее, чем «Каратель подонков».

По крайней мере, у «Карателя подонков» хоть был какой-то опыт, какие-то попытки. Если задание провалится, у них даже шанса попробовать не будет. Чем дальше в списке заданий они стояли, тем сильнее сжималось их «сердце».

Система Славы: А что будет с нами, если Се Цзыци провалит задание?

Все системы промолчали. Если бы это случилось раньше, они бы просто сменили носителя. Но в нынешней ситуации, если погибнет носитель, погибнут и они.

Системы впали в состояние глубокого уныния.

А Се Цзыци в храме оставался невозмутимым. В тот день, как обычно, поев постной пищи и поздоровавшись с юным послушником, он сидел под деревом и читал книгу под аккомпанемент шелеста листвы.

К нему подошел монах.

Се Цзыци поднял голову. Из-за яркого солнца лицо монаха казалось нечетким, но лучи света окутывали его, словно он был самым воплощением буддийского милосердия.

— Мир вам, благодетель, — монах подошел к дереву и сложил ладони в приветствии.

Се Цзыци поднялся, чтобы ответить тем же, и мягко улыбнулся:

— Лишь благодаря буддийскому милосердию я могу наслаждаться покоем за книгой.

Монах немного поболтал с Се Цзыци и удалился.

Проводив его взглядом, Се Цзыци некоторое время смотрел на солнце, пока глаза не начали слезиться, после чего снова опустил взор в книгу.

На её полях была сделана пометка, которую он оставил недавно: Сначала наблюдай, затем планируй, после планирования — действуй; глубоко мысли и далеко смотри, тогда ни один расчет не окажется неверным.

Придя в храм Наньшань, он, разумеется, преследовал свою цель. И целью был не сам храм, а этот монах, а точнее — картина, хранящаяся у него в руках. Он расставит сети для этих так называемых подонков, и эта картина станет нитью, что свяжет их воедино.

4. Посторонний 03

Как и всегда, дочитав книгу, Се Цзыци задул лампу и лег спать.

На следующий день он снова сидел под деревом с книгой.

Но в отличие от обычных дней, еду принес не послушник, а Хуэйюань.

— Благодарю вас, наставник, — поклонился Се Цзыци.

Хуэйюань поставил поднос на стол и ответил поклоном.

— Можно мне разделить с вами трапезу? — спросил Хуэйюань.

Лицо Се Цзыци просияло.

Хуэйюань достал из корзинки еще одну пару палочек и чашку.

Две тарелки с закусками, две миски риса. Они начали беседу с обычного зернышка риса и постепенно вошли в такой раж, что забыли про еду, увлеченно обсуждая всё на свете.

Отставив чашки, они тут же достали доску и расставили камни. Се Цзыци и Хуэйюань сыграли несколько партий, обсуждая литературу и историю. Солнце склонилось к закату, небо потемнело, и в комнате стало сумрачно.

Только тогда они с удивлением осознали, что проболтали весь день.

Переглянувшись, они рассмеялись, опираясь на стол.

Хуэйюань сказал:

— Мы словно старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки.

Се Цзыци кивнул:

— Нет, скорее так: даже будучи знакомыми лишь миг, мы чувствуем себя так, будто знаем друг друга всю жизнь.

Хуэйюань полностью согласился.

В этот момент послушник принес ужин. Хуэйюань, поужинав в келье, вернулся, и они сыграли еще несколько партий, пока совсем не стемнело, после чего монах ушел.

Се Цзыци проводил его до порога, но не лег спать, а открыл свой узел. Внутри, помимо сменной одежды, лежали книги и принадлежности для письма.

Он достал несколько видов рисовой бумаги и стал рассматривать их при свете масляной лампы. Перебрав их, он выбрал несколько листов.

Разложив лист бумаги, отливавший блеском, Се Цзыци обмакнул кисть в тушь и начал писать. Закончив, он осторожно сдул остатки туши и разложил работу на столе.

Затем он принялся писать стихи и предисловие. Только глубокой ночью он наконец остановился и лег отдыхать.

На рассвете, когда небо едва начало светлеть, Се Цзыци поднялся, свернул три свитка, лежавшие на столе, вышел во двор и закопал их под деревом.

Вернувшись, он спрятал кисти и бумагу под кровать, положил на стол несколько книг, привел в порядок узел и снова лег досыпать.

Вскоре в дверь постучал Хуэйюань. Се Цыци, протирая глаза, открыл дверь.

— Зачитался вчера допоздна, вот и проспал, — оправдывался он, забирая поднос с едой.

Во время трапезы Хуэйюань бросил взгляд на книги, лежавшие на столе, и погрузился в свои мысли.

— Можно взглянуть?

Се Цыци кивнул:

— Это книги из дома, пометки делал не я.

Хуэйюань отставил миску и с жадностью принялся листать книгу. Чем дальше он читал, тем быстрее перелистывал страницы, и выражение его лица становилось всё более сложным.

— Ты говоришь, это из твоего дома? Чьи это пометки?

Под тяжелым взглядом Хуэйюаня Се Цыци, словно нарочно, медленно проглотил рис и вытер рот.

Хуэйюань занервничал еще сильнее.

Се Цыци аккуратно сложил платок на краю стола и невозмутимо ответил:

— Понятия не имею.

Лицо Хуэйюаня вытянулось.

— Но...

— Но что? — поспешно спросил Хуэйюань.

Се Цыци опустил голову, скрывая блеск в глазах:

— Но я точно знаю, что эти книги передавались из поколения в поколение. Возможно, кто-то из моих предков их и оставил.

— Эй, разве тебе не кажется, что мысли в этих заметках странные? Человеческая природа зла — разве это не противоречит учению о том, что она добра? И еще, ты заметил, что каждый иероглиф «чжи» написан по-разному? Неужели это писали несколько моих предков?

Заметив, что Хуэйюань помрачнел еще сильнее, Се Цыци притворился удивленным:

— Ой, я рассказал тебе об этом только потому, что мы близки, я вовсе не пытаюсь порочить своих предков.

Лицо Хуэйюаня стало непроницаемым. Пока Се Цыци говорил, он внимательно наблюдал за ним. Тот казался обычным наивным студентом. Но пометки... это не было делом рук нескольких человек. Это почерк одного мастера — Се Сичжи, знаменитого тем, что он мог написать иероглиф «чжи» сотней разных способов.

Се Сичжи жил в эпоху смут, когда идеи о злобной природе человека были в моде. Однако позже, ради стабильности, династия начала насаждать идеи о доброте человека, труды той

эпохи были запрещены, и культуру того времени перестали изучать. Вот почему современные студенты не знали о Се Сичжи.

Хуэйюань вздыхал, не в силах оторваться от книги.

Видя его печаль, Се Цыци предложил:

— Я уже выучил эту книгу наизусть, хочешь, подарю её тебе?

Для Хуэйюаня это прозвучало как удар грома. Он подпрыгнул на стуле:

— Ты... ты что сказал?

— Подарю тебе, — Се Цыци посмотрел на него так, будто ничего особенного не произошло.

— Правда?

Хуэйюань попытался сдержать глупую улыбку, но не смог:

— Правда?

— Истинная правда. Мы с тобой стали друзьями с первой встречи, почему бы не подарить книгу?

Хуэйюань, тридцать лет посвятивший изучению каллиграфии, был фанатом Се Сичжи и никогда не менял своих предпочтений.

Он держал книгу так бережно, словно это был драгоценный камень.

Се Цыци внезапно спросил:

— Через пару дней я уезжаю в столицу на экзамены. А как твое монашеское имя?

Хуэйюань, не отрывая взгляда от книги, рассеянно ответил:

— Хуэйюань. А твое?

— Се Цыци, по прозвищу Цычжи, из клана Се из Цзяннани, — спокойно произнес Се Цыци. Реакция Хуэйюаня была бурной.

— Ты — Се Цычжи из клана Се из Цзяннани?

— Да, монах Хуэйюань, почему ты так удивлен?

Если раньше у него были сомнения, то теперь он был на сто процентов уверен, что книга принадлежит его кумиру.

Клан Се из Цзяннани — это и была ветвь Се Сичжи. Другие могли не знать, но он — знал.

Он происходил из императорского рода прошлой династии, был десятым внуком императора. После падения династии он принял постриг. До этого он учился у великого ученого, составлявшего родословные книги, и знал, где осели ветви клана Се. В те смутные времена один военачальник истребил великие аристократические роды.

Люди думали, что все они исчезли, но не знали, что одна ветвь клана Се давно отделилась и

скрылась в деревне Сугэ в Цзяннани.

Теперь Хуэйюань смотрел на Се Цзыци с нескрываемым обожанием.

У Се Цзыци даже шея похолодела. Впервые ощутив на себе мощь фанатизма, он спросил:

— Ты что, слышал обо мне?

— Я не только слышал о тебе, я знаю, кто были твои предки.

Хуэйюань подробно рассказал ему историю Се Сичжи.

— Наверное, потому что я побочный сын, в семье мне об этом не рассказывали, — Се Цзыци опустил голову, изображая легкое разочарование. — Но если я действительно потомок Се Сичжи, я приложу все усилия, чтобы прославить наш род.

Вид Хуэйюаня, у которого в глазах читалось «потомок моего кумира действительно хорош», заставил Се Цзыци снова поежиться. В последующие дни он сполна прочувствовал силу фанатизма.

Хуэйюань привел его в свою келью, показывал коллекции древностей и каллиграфии, то и дело вставляя лекции о том, насколько велик был Се Сичжи.

Се Цзыци внутри был в шоке, но снаружи изображал полное восхищение.

Через несколько дней Се Цзыци объявил, что послезавтра уходит. Хуэйюань предложил сыграть партию.

Они сражались долго, но победителя не было. Стемнело, и внезапно пошел дождь.

— Дождь... эх, весь настрой пропал, — Се Цзыци смахнул камни с доски и оперся головой о стол, выглядя совершенно удрученным. — Может, оценим каллиграфию или нефрит?

Сначала он проявлял интерес, но вскоре снова стал вялым.

— Дождь... нет настроения.

Хуэйюань, видя нахмуренного Се Цзыци, тоже расстроился. Они проголодались, атмосфера стала неловкой.

Хуэйюань от скуки пересчитал цветы сливы в саду и обернулся. Его взгляд упал на балку под потолком, и он внезапно вспомнил.

— Покажу тебе сокровище, — с энтузиазмом сказал он.

— Какое? — спросил Се Цзыци.

— Сейчас увидишь.

Хуэйюань заправил полы рясы за пояс, пододвинул стол к балке, ловко взобрался наверх и, пошарив там, достал шкатулку.

— Что это? — Се Цзыци встал и подошел к столу, принимая шкатулку.

— Открой и посмотри. Эй, подожди хотя бы, пока я слезу! — Хуэйюань ворча спустился, отодвинул стол к стене и с видом «похвали меня» подбежал к Се Цыци. — Ну как?

В шкатулке лежал свиток.

Се Цыци развернул его и начал читать, всё сильнее хмурясь.

Хуэйюань занервничал:

— Что случилось?

— Это написал мой предок Се Сичжи? Да это же подделка! — Се Цыци выглядел искренне огорченным. — Тебя обманули.

Хуэйюань не мог поверить:

— Невозможно! Она попала ко мне из императорского дворца, это не может быть подделкой!

— Не веришь? Хорошо, завтра я покажу тебе подлинник.

Се Цыци, рассердившись, ушел прямо под дождем. Он выкопал спрятанные три свитка, прижал их к груди и, не надевая накидки, побежал обратно в келью Хуэйюаня.

Толкнув дверь, он швырнул свитки на стол:

— Смотри, вот это — подлинник. Хм!

Он сел на стул, отвернувшись от Хуэйюаня.

Хуэйюань, наблюдая, как Се Цыци бегал туда-сюда, растерянно пробормотал:

— Ты же заболеешь. Выпей чаю, согрейся.

— Не нужно, — отрезал Се Цыци. — Лучше подумай, кто и как тебя обманул.

— Но как она может быть подделкой?

Видя, что Се Цыци злится еще больше, Хуэйюань разложил все свитки на столе.

Свитки Се Цыци еще хранили тепло его тела и были слегка влажными от дождя, что вызвало у Хуэйюаня жалость.

Они были идентичны во всем — от каллиграфии до рисунка. Единственная разница была в том, что у Се Цыци были отдельные свитки с предисловием, иероглифом и рисунком, а у Хуэйюаня — все три в одном.

Даже в дождливую погоду Хуэйюань покрылся потом, не в силах отличить подделку от оригинала. Признать, что свиток, который он хранил годами, — фальшивка, он не мог. Но и назвать свитки Се Цыци подделкой у него не поворачивался язык.

— Эй, ты понял? — язвительно спросил Се Цыци.

— Нет, расскажи.

— Смотри на волокна бумаги: у тебя горизонтальные, у меня — вертикальные. Понял теперь?

Хуэйюань, следуя подсказке, поднес бумагу к лампе и наконец увидел разницу.

— Спасибо тебе, — лицо Хуэйюаня покраснело от стыда.

Теперь уже Се Цзыци почувствовал неловкость.

— Послушай, послезавтра я уйду, подарка у меня нет. Давай так: я подарю тебе эти три свитка, а ты отдашь мне эту подделку.

Хуэйюань был тронут, но не мог допустить, чтобы его дар был осквернен.

— Нет, свитки я взять не могу. А эту подделку я просто сожгу.

Он уже хотел бросить свиток в огонь, но Се Цзыци выхватил его.

— Не хочешь — не надо, — Се Цзыци свернул все четыре свитка и спрятал их за пазуху. — Завтра приду играть в го. Я уйду.

Он накинул накидку, которую дал ему Хуэйюань, и ушел под дождем.

На следующий день распогодилось.

Се Цзыци положил свитки в узел и покинул храм, спускаясь с горы.

У подножия он обернулся и посмотрел на храм Наньшань, вздохнув:

— Что-то нет чувства выполненного долга.

А Хуэйюань, который до глубокой ночи ждал Се Цзыци, убрал доску для го и, обмакнув кисть, написал: «В условленный час не пришел, лишь в тишине постукиваю камнем по доске под угасающей лампой».

Только на следующий день от послушника он узнал, что Се Цзыци уже ушел.

5. Посторонний 04

Двое стражников у ворот резиденции премьер-министра с грустью наблюдали за прохожим, который кружил туда-сюда, рассматривая небо, землю и деревья, но только не их.

Стражники переглянулись. Этот человек был настоящей головной болью. Он не подходил близко, но и не уходил далеко. Одет как ученый, явно готовится к экзаменам, к тому же чертовски хорош собой. Кто знает, не вознесется ли он завтра на вершину власти? Выгонять его было боязно.

Системы внутри браслета тоже пребывали в унынии.

Система Второстепенного Персонажа: Зачем носитель выманил картину и притащил её сюда?

Система «Восстание пушечного мяса»: Дать пощечину, конечно.

Система Наложницы: Подлизаться, конечно.

Система Антагониста: Думаете, все такие же профи в подлизывании, как вы? У нас, антагонистов, есть гордость.

И тут они увидели, как Се Цзыци перестал бродить у слив, а направился к Лю Уцзи, который только что вышел из паланкина.

Система Антагониста, получившая пощечину: Черт.

Се Цзыци:

— У меня есть картина, которую я хочу преподнести.

Лю Уцзи, даже не взглянув на Се Цзыци, который не потрудился поклониться, равнодушно бросил:

— О, говори.

Он не остановился.

Се Цзыци не стал догонять его, а лишь произнес одно имя:

— Се Сичжи.

Лю Уцзи резко остановился и обернулся. Се Цзыци не выказал ни радости, ни удивления, а лишь спокойно добавил:

— Скорбь племянника в дождливую ночь. Предисловие, рисунок, каллиграфия. Написано наспех тупой кистью.

— Отдай мне. Управляющий выдаст тебе сто лянов серебра.

Се Цзыци не сдвинулся с места, а лишь сложил руки в поклоне:

— Если премьер-министр намерен поступить так, прошу прощения, но я не могу согласиться.

Лю Уцзи долго смотрел на него, но лицо Се Цзыци оставалось невозмутимым.

Лю Уцзи, прошедший через войны вместе с нынешним императором, привык, что в суде ему редко кто возражает. Власть, которой он обладал, подавляла любого. Но вдруг выражение его лица сменилось, и он расхохотался:

— Хорошо! Давно я не встречал таких дерзких юношей. Говори, какие у тебя условия?

— Ты боишься клана Се из Цзяннани?

— О, ты, малец, забавный. С чего бы мне бояться этого клана, забившегося в глушь?

— Вот и хорошо. Раз тебе нужна моя картина, ты будешь кормить и поить меня.